

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ДИСКРЕДИТАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ.

Т.В. Чернышова

Опубликована: Филология и человек. 2014. №1. С. 31-39.

В статье с опорой на теорию речевых жанров М.М. Бахтина выделены базовые признаки речевого жанра дискредитации, представлены его инвариантные и вариативные признаки на материале конфликтных медиатекстов, ставших предметом судебного разбирательства. Жанровые формы описаны с учетом положений семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой, позволяющей выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел автора текста, т.е. коммуникативную цель медиатекста. На основе комплексного лингвостилистического анализа изучаемых текстов в качестве базовых составляющих изучаемого речевого жанра выделены такие его типологические признаки, как тематическое содержание, предметно-смысловая исчерпанность высказывания, речевые акты, реализующие в тексте стратегию на понижение; типические композиционно-жанровые формы высказывания. В результате предпринятого описания установлены четыре варианта наполнения жанровой формы дискредитации.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, типологические признаки, псевдосоциальная оценочность, речевой жанр дискредитации, стратегия «игра на понижение», коммуникативная цель, базовые составляющие речевого жанра, инвариант, варианты наполнения жанровых форм.

Keywords: media discourse, media text, typological features, imaginary social evaluative, speech genre discredit the strategy of "shorting" communicative purpose, the basic components of a speech genre, invariant, filling options genre forms.

В данной статье мы продолжаем рассуждение о возможностях жанровой типизации дискредитирующих медиатекстов [Чернышова, 2013, с. 161-174]. Актуальность данной проблематики обусловлена высокой степенью конфликтности текстов подобного типа, разнообразием наполнения их жанровой формы, а также недостаточной разработанностью методических процедур, позволяющих непротиворечиво выделять из них

речевые единицы оценочного и фактологического характера, что часто требуется в ходе проведения лингвистического анализа текстов в лингвоэкспертной практике.

Анализ изучаемых текстов с целью выделения их типологических признаков проводился по следующей схеме, объединяющей несколько методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта: 1) определение оценочного потенциала заголовочного комплекса как относительно самостоятельного элемента текста, который, с одной стороны, выполняет контактоустанавливающую функцию (т.е. привлекает внимание читателя к публикации и поэтому должен как-то выделяться на общем нейтральном фоне своей необычностью, экспрессивностью), а с другой, – обозначает тему публикации (тематическое содержание – по М.М. Бахтину [Бахтин, 1996, с. 159-161]), т.е. в своей структуре содержит языковые элементы, отсылающие к содержанию текста в целом; 2) констатация факта, послужившего основой для оценочного комментария. Оба эти пункта, а также пункт 6, как представляется, ориентированы на описание предметно-смысловой исчерпанности высказывания; 3) выделение на основе текстового анализа речевых актов (далее – РА), с помощью которых реализуется стратегия на понижение (стратегия дискредитации), позволяющих установить речевой замысел или речевую волю говорящего; 4) описание структурно-логических и композиционных особенностей текста и их роли в формировании стратегии «на понижение»; 5) характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации (языковых и композиционных). Пункты 4 и 5 характеризуют типические композиционно-жанровые формы высказывания определенного речевого жанра; 6) учет единичности/множественности публикаций оценочного типа, посвященных одному и тому же субъекту речи [Чернышова, 2013, с. 167].

Выделенные типологические признаки позволяют охарактеризовать анализируемые тексты с позиций воплощенного в них речевого жанра дискредитации (РЖд). В качестве инструмента описания используем положения семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой [Вежбицка, 2007, с. 68-80], которые часто используются лингвистами для описания различных речевых актов, далее – РА (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, М.Я. Гловинская и др. [Логический анализ языка..., 1993, 1994]) и РЖ (А. Вежбицка, В.В. Дементьев, И.Г. Дьячкова, В.И. Жельвис, К.Ф. Седов и др. [Антология речевых жанров, 2007]), а также в юрислингвистике, когда есть необходимость доказать наличие в спорном высказывании того или иного конфликтного РЖ (К.И. Бринев, Т.В. Чернышова и др.)

Инвариантной формулой РЖ дискредитации в медиакоммуникации может быть следующая:

А. Мы (Я) знаем X о лице.

Б. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

В. Думаем, что ты должен это знать.

Г. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

Где X – негативная оценочная информация о лице.

Как следует из типологии текстов [Чернышова, 2013, с. 161-174], вариантов реализации этой типовой формулы может быть как минимум четыре – в зависимости от той информации о личной и общественной деятельности субъекта публикации, которой располагает автор медиатекста.

Иллокутивный элемент модели – общий для всех РЖД: «Субъект публикации – плохой человек; все, что он делает – плохо (X), так как делает это он ради собственной выгоды; он делал это плохо в прошлом, будет делать это плохо в будущем и т.п.».

Рассмотрим возможные варианты наполнения жанровых форм дискредитации в медиатексте.

Вариант 1.

А. Мы (Я) знаем X о лице.

Б. Мы знаем, что X является негативно ценным в социуме и осуждается (вариативный компонент модели РЖД).

В. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Г. Думаем, что ты должен это знать.

Д. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, представленная в данном варианте РЖД, не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценочностью; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) [Чернышова, 2013, с. 166].

Например, в публикации «Мертвые сраму не имут?» (Московский комсомолец на Алтае, 6-13 июля 2011г.), повествующей об очередной олимпиаде сельских спортсменов, проходившей в минувшие выходные в одном из районов края, говорится о том, что нехватку средств для проведения этого спортивного мероприятия местные власти *«пытались решить с помощью своего высокопоставленного земляка – депутата АКЗС, председателя Союза крестьянских и фермерских формирований Алтай А.Б.... Увы, вопреки ожиданиям А. продемонстрировал себя куркулем»*. Использованная автором в качестве общественно значимой оценки поведения депутата АКЗС лексема **куркуль** («Неодобрительное, разговорное, употребляемое как бранное слово. Жадный, скупой человек»

[Химик, 2004, с. 206-207] представляется недостаточно мотивированной всем предшествующим и последующим контекстом, а информация о сельской олимпиаде дается автором лишь с целью концентрации внимания на личности А. как возможного кандидата в АКЗС нового созыва.

Вариант 2.

А. Мы (Я) знаем, что лицо совершило Y.

Б. Уверены, что Y – это X, п.ч. лицо всегда совершает X (вариативный компонент модели РЖд).

(Далее см. пункты В, Г, Д варианта 1),

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, в данном варианте РЖд строится таким образом, что приводимые в качестве аргументов факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся таковыми, благодаря эмоционально-риторическим структурам, ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста, в свою очередь, ориентированной на реализацию дискредитирующей коммуникативной стратегии. Приводимым в публикации фактам дается субъективно-оценочный комментарий, направленный на заведомо отрицательную оценку поведения личности субъекта речи, снижающую его статус, хотя сама описываемая ситуация может быть истолкована по-разному (несовпадение «серьезности» приводимых фактов и оценочного комментария) [Чернышова, 2013, с. 166].

Часто подобный оценочный комментарий представлен только в заголовках и не поддерживается содержанием текста. Таковыми, например, являются следующие заголовки серии публикаций газеты «Московский комсомолец на Алтае», посвященных вступлению в должность руководителя одного из вузов: «Картина маслом. Кошка скребет на свой хребет..»; «Пыль в глаза, деньги на ветер... Аврал – это по-нашему»; «По дороге разочарований» и т.д.

В других подобных текстах оценочный потенциал заголовка поддерживается на протяжении всего текста. Например, 30 ноября 2013 г. на сайте редакции журнала «Бизнес-курс» была опубликована статья под названием «Валентина С. – жертва "ошметков полежаевского режима"». Заголовок содержит оценочную лексику *ошметки*, задающую негативно-оценочный вектор интерпретации содержания статьи в целом, ср.: *ошметки*: «прост. Куски грязи, остатки изорванных вещей» [Ожегов, 1986, с. 419; «разг.-сниж. Куски грязи или обрезки, обрывки чего-л.» [Современный толковый словарь..., 2001]), слово употреблено в переносном значении «жалкие, ничтожные остатки чего-л.» – в данном случае это *ошметки полежаевского режима*, т.е. последователи прежней команды министра культуры Омской области. Новый глава

характеризуется в статье как «...полежаевский кадр, превративший Омскую драму в живой труп, активно продолжает это «трупное» дело с культурой Омской области. За 20 лет в Омске, извините, объелись полежаевскими «фельдфебелями» в культуре, искусстве. Чиновники, работающие под его руководством, – как управленцы в культуре, искусстве; намертво засели в окопах, карточные марионетки; преступники, воры, мошенники в чиновничьих и директорских мантиях!...; шайка-лейка, добывающая остатки культуры, искусства в Омской области и т.п. Избранная ими стратегия руководства – как стратегия деградации, бездуховности, ... план отката и т.д. При этом фактологическая составляющая текста – по М.М. Бахтину, его предметно-смысловая исчерпанность очень скудна и может быть сведена к следующей фразе текста: «...Наши творческие коллективы не выдерживают никакой конкуренции как с Екатеринбургом, Новосибирском, так и почти со всеми регионами России, не говоря уже о Москве и Питере».

Вариант 3.

А. Мы знаем X о группе лиц.

Б. Мы знаем, что некое лицо является руководителем (начальником, директором, заведующим и т.п.) этой группы лиц.

В Уверены, что лицо знает о том, что группа лиц делает X, и сам делает X (Б. и В. – вариативные компоненты модели РЖД)

Г. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Д. Думаем, что ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал, где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в подобных текстах носит «наведенный» характер: автору достоверно неизвестно, участвует ли руководящее лицо в негативно ценной деятельности сотрудников или нет. Факт причастности руководителя к социально осуждаемой деятельности при этом может быть выражен либо вербально, либо вытекает из контекста и композиционного расположения частей текста.

Так, например, в статье «Закон против "крокодила"», опубликованной в газете «Московский комсомолец на Алтае» (30.05.-06.06.2012, № 23) и посвященной проблемам противодействия распространению наркомании и токсикомании, а также мерам, которые краевые и федеральные органы власти, общественные и профессиональные объединения принимают для их разрешения, нет информации, указывающей на то, что владелец аптеки знал о том, что его сотрудники торгуют запрещенными к продаже препаратами. В то же время в заголовке текста – «Закон против "крокодила"», который отражает тему публикации (лексема *крокодил* употреблена в переносном значении и обозначает наркотик кустарного

изготовления – дезоморфин), а также в содержании статьи есть информация о возможной причастности владельца к данным событиям, на что указывают следующие фрагменты текста: *Спросите любого таксиста – он вам расскажет, по какому адресу едут наркоманы за сырьем для очередной дозы»* (имеется в виду адрес «Аптеки Щ.»); *В феврале 2012 года...сотрудники МВД зафиксировали безрецептурный отпуск кодеинсодержащих препаратов... Мировой судья назначил владелице аптеки штраф в размере три тысячи рублей, который впоследствии был отменен; Сейчас аптека по-прежнему продолжает работать;* работники Краевого управления по здравоохранению и фармацевтической деятельности уже обращались в прокуратуру с просьбой провести внеплановую проверку; *Однако лишит аптеку лицензии пока оснований нет; собранных на сегодняшний день документальных подтверждений для обращения в суд недостаточно* и др.

Кроме того, сочетание «Аптека Щ.», часто употребляемое в публикации, представляет собой название городского объекта (полное наименование – «Аптека ИП Щ. Н.Г.») и как название выполняет, как минимум, две функции: 1) информативную: указывает на тип объекта (аптека – «Учреждение, в котором продаются /или изготавливаются и продаются/ лекарства, лечебные средства, предметы санитарии и гигиены» [Ожегов, 1986, с. 26]); 2) коммерческую: являясь коммерческим наименованием, название «Аптека Щ.» представляет собой словесное наименование физического лица, позволяющее отличить его от других владельцев аналогичных объектов: например, «Аптека ИП Кутякова Т.М.», «Аптека ИП Бабаева М.В.» и др. С точки зрения структурной организации названия подобного типа образованы по следующей модели: «имя существительное, указывающее на специализацию объекта + инициалы и фамилия индивидуального предпринимателя, осуществляющего ту или иную предпринимательскую деятельность». Таким образом, второй компонент названия аптеки прямо указывает на фамилию ее владельца – Н.Г. Щ. (в том случае, если она действительно является ее владельцем). Однако читатель должен сам решить, знал ли владелец о незаконной деятельности сотрудников аптеки или нет.

Вариант 4.

А. Мы знаем X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

Б. Думаем, что ты не знаешь X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

В. Думаем, что и в общественной (профессиональной) деятельности лицо делает X (А, Б, В - вариативные компоненты модели РЖд).

Д. Думаем, ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал, где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в текстах, реализующих данную модель РЖД, основывается на фактах из частной жизни субъекта речи (псевдосоциальная оценочность). «Псевдосоциальную (деструктивную) оценочность» можно охарактеризовать следующим образом:

1) как правило, центром публицистического текста, содержащего, «деструктивную оценочность», является субъект (персона), прямо или косвенно соотносимый с каким-либо социально значимым событием, при этом само событие уходит на второй план и не интересно автору;

2) в тексте отсутствует информация фактологического характера и преобладает оценочное мнение автора;

3) автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом;

4) стратегия «деструктивной оценочности» разрушительна по своей сути – неплодотворна (ср.: «деструктивный» – ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплодотворный» [Современный словарь..., 1992, с.191]);

5) она не предполагает диалога, чаще всего позиция автора – это монолог, нередко обладающий признаками агрессии (стратегии на понижение образа субъекта речи);

6) авторские суждения выражены в форме утверждения; вопросы, если они и присутствуют, часто носят риторический характер;

7) оценки субъекту речи часто выражены при помощи ненормативной лексики и фразеологии, заимствованной из языковых пластов, выходящих за пределы литературного языка (просторечной, грубо-просторечной, вульгарной, обценной и пр.);

8) «деструктивная оценочность», которая, кстати, тоже может быть как позитивной, так и негативной, направлена на создание крайне отрицательного образа субъекта речи, часто через использование разнообразных приемов и тропов (гипербола, иносказание и пр.); повествование нередко носит ироничный (насмешливый, саркастический характер) [Чернышова, 2011, с. 104-111].

Так, в статье «Блеф», опубликованной в газете «Московский комсомолец на Алтае» 14-21 сентября 2011г., представлена информация о бывшем главе администрации одного из районов г. Барнаула – Л. Для создания негативного образа используются разнообразные средства и способы:

- фактологическая информация со ссылкой на неавторизованный источник, содержащая подробности ее личной жизни: *«некоторым показалось, что даже сейчас, оставшись не у дел, она продолжает пользоваться услугами служебного автопарка ... райадминистрации»;*

- утверждение о фактах, не имеющих отношение к профессиональной деятельности Л.: *«Есть и другие случаи использования Л. бывшего административного ресурса – она и ее близкие до сих пор пользуются VIP-палатами трансмашевской больницы едва ли не как своей собственностью»;*

«В качестве примера мы могли бы назвать недавнее приобретение Л. недвижимости в Чехии, которую экс-чиновница оформила на дочь»;

- акцентирование внимания на особенностях ее характера и темперамента – причем не всегда понятно, почему они подаются как негативные: *«Во время этих застолий (неформальных дружеских фуршетов) она демонстрирует блистательные ораторские способности, позволяющие ей играть роль тамады праздничных мероприятий. Что она успешно и выполняет»;*

- оценочная информация, приписывающая Л. негативные мысли и чувства: *«Даже после своей скоропалительной отставки бывшая глава Октябрьского района Л. не может обрести желанного покоя. Правда, ее сегодняшняя гиперактивность носит своеобразный характер»; «отставная чиновница по-прежнему демонстративно позиционирует себя как человека с большим будущим и светлыми горизонтами»; «Видимо, таким образом она более чем прозрачно пытается намекать своим собеседникам, что все те, кто ее сегодня игнорируют, завтра об этом горько пожалеют»; «Цель может быть более глубинной – пустить окружающим пыль в глаза... Впрочем, бывшая чиновница знает, где надо надуть щеки от важности, а где нет».*

Рассмотренные в данной статье варианты наполнения жанровой формы текстов дискредитирующего типа не являются вполне исчерпанными. Причину этого, как представляется, указал в своей работе М.М. Бахтин: *«Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных)»* [Бахтин, 1996, с. 159]. Например, еще один вариант наполнения изучаемой жанровой формы, в котором реализуется особый вид социальной оценочности, на наш взгляд, воплощают в себе публичные и публицистические тексты иронического типа.

Таким образом, использование семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой для моделирования РЖ дискредитации представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел или речевую волю говорящего, т.е. коммуникативную цель медиатекста.

Литература

Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация: монографическое издание / под общей ред. К.Ф. Седова. М., 2007.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т.5.: Работы 1940-1960 гг. М., 1996.

Булгыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994.

Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

Современный толковый словарь русского языка /под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.

Чернышова Т.В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) // Журналистика и культура русской речи: Научно-практический журнал. 2011. №1.

Чернышова Т.В. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. №4.